

Левичев И.В.

МИСТИЧЕСКАЯ МУЗА МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Фигура Анны Рудольфовны Минцловой, оказавшей большое духовное влияние на многих деятелей русской культуры начала XX века, остается во многом таинственной и загадочной и сейчас, спустя почти сто лет со времени ее появления на горизонте русской литературно-художественной жизни.

А. Р. Минцлова известна прежде всего тем, что принадлежала к ближайшему окружению таких выдающихся деятелей русской культуры, как Вяч. Иванов, Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Валерий Брюсов, Михаил Кузин и многих других. Минцлова и сама занималась литературной деятельностью: она перевела на русский язык некоторые произведения Оскара Уайльда, ей принадлежит роль “первооткрывательницы” для русской публики имени Рудольфа Штейнера (перевод его “Теософии”, явившейся первой книгой Р. Штейнера, выпущенной в России, был сделан Минцловой в 1909 году), для издательства “Триф” она готовила перевод “Учеников в Саисе” поэта Новалиса...

Но подлинную известность имя Анны Рудольфовны Минцловой получило в связи с ее мистической, оккультно-теософской деятельностью. Она была членом Международного Теософского общества, участвовала в его зарубежных конгрессах, с начала века входила в круг первых сподвижников Рудольфа Штейнера, была пропагандистом его мистических идей.

Считая себя связанной с некими “высшими силами”, А. Р. Минцлова старалась сознательно влиять на многих деятелей русской культуры, стремясь использовать их в качестве орудия пропаганды своих оккультно-мистических идей, и нам представляется, что в своем влиянии на творчество Максимилиана Волошина она была особенно успешна.

Первое знакомство Максимилиана Волошина с А. Р. Минцловой датируется 18 ноября 1903 года на лекции К. Бальмонта о творчестве Оскара Уайльда в московском Литературно-художественном кружке, но особенно близким и интимным стало общение поэта с Минцловой с лета 1905 года. (4,783)

Начало лета 1905 года было нелегким временем в жизни Максимилиана Волошина. Мучительная двусмысленность, недосказанность во взаимоотношениях с любимым человеком - М. В. Сабашниковой, частые размолвки и недопонимание устремлений друг друга причиняли Волошину большие душевные страдания, приводя к жестокому внутреннему кризису. В записи от 14 июня 1905 года в своем дневнике поэт отмечает: “Уже 10 дней я не видел М(аргариту) В(асильевну). Я заходил к ней и не заставал. И мне хотелось не застать ее. Теперь мне хочется ее видеть. Любил ли я или нет?” и Далее: “Год тому назад я был переполнен новыми словами и новыми идеями. Они текли через край. Теперь мой мозг иссяк. Он сух и бесплоден. Я устал от Парижа. Мне надо прикоснуться к груди земли и воскреснуть.” (1,228)

Во время таких душевных терзаний судьба и сводит Волошина с Минцловой, причем, общение с ней настолько обновляюще действует на поэта, что в следующей дневниковой записи от 19 июня он скажет: “Я воскрес. Волна мистики предчувствий и жизни. А(нна) Р(удольфовна) М(инцлова).” (1,228)

В чем же причина такого неожиданного быстрого душевного воскресения? Как нам кажется, ответ на этот вопрос лежит в особенностях душевного склада Волошина, и, в определенной мере, в особенностях момента сближения с А. Р. Минцловой.

Размышляя об этом на страницах своего дневника Волошин записывает: “Я теперь чувствую такое примирение с самим собой. Я не знаю как, почему, но кто-то снял его (грех) с моей души. Нам надо всегда старшего и взрослого*.”

* Курсив наш. – И. Л.

В прошлом году Ек(атерина) А(лексеевна) (Бальмонт), теперь - А(нна) Р(удольфовна).” (1,231)

Маргарита Васильевна Сабашникова также положительно оценивала появление в ее жизни. А. Р. Минцловой. Максимилиан Волошин приводит слова М. В. Сабашниковой в своем дневнике: “Я чувствую такую бесконечную важность в моей жизни появления А(нны) Р(удольфовны). Как будто этим все разрешается” (1,231) Впоследствии в письме к Вяч. Иванову М. Сабашникова напишет в октябре 1907 года: “... меня торопят с письмом, но я хочу еще написать о А(нне) Р(удольфовне). Это единственный близкий мне человек...” (10,153)

Таким образом появление А. Р. Минцловой в жизни М. Волошина и М. Сабашниковой воспринималось ими, как появление более опытного старшего товарища, мудрого советчика, которому и Волошин, и Сабашникова бесконечно доверяли и верили.

И Минцлова начинает по-своему, незаметно и осторожно “воздействовать” на Волошина и Сабашникову: постоянные разговоры на оккультные темы, гадания по руке, рассказы об ауре, ведьмах и т. д. Как отмечает в своих воспоминаниях Сабашникова, именно благодаря А. Р. Минцловой и Волошин и Сабашникова знакомятся с мистическим учением Рудольфа Штейнера, а затем и лично знакомятся с “таинственным Доктором”, оставившем неизгладимый след в их творческой жизни и судьбе. Оценивая впоследствии значение Рудольфа Штейнера в своей творческой судьбе, Волошин укажет, что именно Штейнеру он обязан “более чем кому-либо познанием самого себя.” (3,240) А отношение М. В. Сабашниковой к Рудольфу Штейнеру приобретает характер самого настоящего мистического ученичества, и впоследствии он всю свою жизнь посвятит Рудольфу Штейнеру и его мистической системе-антропософии.

Таким образом, обращаясь с А. Р. Минцловой, Максимилиан Волошин не только стал постепенно приходить в себя после жесточайшего душевного кризиса, но и, обратившись к оккультизму, открыл для себя новый источник вдохновения. Так, в своем дневнике Волошин записывает: “Эту радость, эту грусть я теперь боюсь “расплескать”, как я делал это много раз зимой. Больше всего я теперь боюсь тумана забвения, который снова может охватить меня. Я запираюсь дома, читаю теософские и масонские книги, пишу стихи. “Начинаю новую жизнь”. Я чувствую полное обновление и радостное возрождение.” (1,235)

Временем наиболее интенсивного общения с Минцловой в 1905 - 10 гг., датируется работа М. Волошина над стихотворным циклом “Звезда польнь”, в котором впервые прозвучали новые для поэта темы мистицизма и теософии.

В стихотворном цикле “Звезда Польнь” совмещаются три основных раздела: стихотворения “планетарной” тема-

тики (“Сатурн”, “Солнце”, “Луна”), “Руанский собор” и “Киммерийские сумерки”, к которым тематически примыкает стихотворение “Кровь”, а также некоторые другие, связанные с предыдущими идейно-тематически, хотя и не входящие в последовательность разделов: “Гностический гимн Деве Марии” и др.

Стихотворения “планетарной” тематики включают в себя: “Сатурн”, “Солнце” и “Луну”, к которым тематически примыкает стихотворение “Кровь”.

Такая последовательность планет не случайна, она отражает особенности оккультной космогонии Рудольфа Штейнера, утверждавшего, что планета Земля, подобно каждому человеку, в соответствии с законом перевоплощения, проходила последовательно несколько “первоплощений”, сравнимых с планетарным состоянием нынешних небесных тел, называемых теперь “Сатурном”, “Солнцем” и “Луной”. (13,90)

Известны дневниковые указания самого Волошина о том, что А. Р. Минцлова диктовала ему лекции Рудольфа Штейнера, из которых поэт и мог почерпнуть информацию об этом порядке оккультного космогенезиса.

Сообщая М. Сабашниковой о своем замысле стихов планетного цикла, Волошин в письме от 12 ноября 1906 года пишет: “При разрыве с каждой планетой бывает страшная трагедия, которая и заложена в той стихии, которая вырабаталась на этой планете. Кровь - трагедия Сатурна. Зрение и ошупь - трагедия солнца. Пол - трагедия Луны.” (3,235)

На то, что именно Минцлова явилась инициатором создания Максимилианом Волошиным “планетарных” стихов, мы встречаем указание в ее письме к поэту от 6 апреля 1907 года: “Расскажите о “Сатурне” (...) о том Сатурне, где витали - не люди еще, нет! Но призрако-люди...” (3,235) В ответном письме к А. Р. Минцловой от 10 апреля 1907 года Волошин пишет: “... я получил Ваше письмо от 6-го. Оно меня волнует и вдохновляет. Я это непременно напишу. Я чувствую это. Но мне надо больше знать. Напишите мне больше, напишите мне сколько возможно о возникновении фи-кой (физической?) жизни на разных планетах.

Сатурн - кровь и звук. Солнце - зрение и ?Луна - пол и?

Какая сила готовится на Вулкане?

Я смутно предчувствую, все смутно вижу. Мне достаточно намек, одного слова и вокруг него все станет собираться и формироваться.” (15)

Таким образом, иницирующая роль А. Р. Минцловой в создании М. Волошиным стихотворений “планетного” цикла нам кажется вполне убедительной и очевидной.

О духовном единстве и идейно-тематическом родстве стихов “планетного” цикла с мистико-оккультным космоцентризмом идей Рудольфа Штейнера говорит не только поэтическое изложение основных идей штейнеровского оккультного космогенезиса, но и сама попытка рассмотрения эволюции Вселенной через призму “микрокосма”, субъективного человеческого “я”. Такая методология типична для мистико-оккультной традиции.

О, пращур Лун и Солнц, вселенная Сатурна!

Где ткало в дымных снах сознание - паук

Живые ткани тел, но тело было - звук.

Где лился музыкой, непознанной для слуха,

Творящих числ и воль мерцающий поток,

Где в горьком сердце тьмы сгушался звездный сок,

Что темным языком лепечет в венах глухо.

К концу июля 1905 года относится один из интереснейших и малоизученных эпизодов из творческой биографии поэта, связанных с А. Р. Минцловой, эпизода, нашедшего отражение в поэме М. Волошина “Руанский собор”. Речь идет о посещении Волошиным, совместно с Минцловой, шедевров поздней французской готики, соборов в Руане и Шартре на севере Франции.

В дневнике поэта, обычно столь щедрого на фиксацию впечатлений, об этом сказано необычайно сжато: “23, 24 июля. Полночь 23/24

Полдень 24

Руан. *

Конец июля - Шартр. Набат в душе.” (1,247)

Волошин был весьма начитанным человеком в области оккультной символистики и эмблематики, в его библиотеке сохранилось немало подобных изданий. Поэтому, обозначение поездки с Минцловой на север Франции - “треугольником”, знаком, имеющим сложную семантическую нагрузку в оккультной символической - весьма показательное.

Известно, что треугольник во многих мистических традициях считался не только мистическим символом божества, но и символом посвящения неопита, “вступившего на Путь”. Об этом прямо указывается в книге Е. П. Блаватской “Голос Безмолвия”, которой Волошин зачитывается в это время (см. дневниковые записи от 7 и 10 августа): “А когда ты перейдешь в седьмую (ступень), о познавший счастье, ты не будешь более зреть священное три, ибо сам станешь Тринединым. Ты сам и твой ум уподобятся рядом пребывающим близнецам, а над ними загорится Звезда - цель твоих исканий”. (6, 24) В примечаниях к этим строчкам указывается еще яснее: “Каждая ступень развития имеет своим символом определенную геометрическую фигуру. Символ первых ступеней - треугольник (...) на высших ступенях треугольник заменяется другим знаком, который не может быть обнародован”. (6, 53)

О том, что поездка в Руан и Шартр воспринималась Волошиным как своего рода мистическая “инициация”, еще яснее указывается поэтом в письме к М. Сабашниковой от 27 июля 1905 года: “Моя душа проходит ряд мистерий готических соборов. После Руанских мистерий - мистерии Шартрского собора...” (16)

Подробнее о своих “руанских мистериях” Волошин пишет тому же адресату 24 июля: “Мы были в одном соборе, где каменные колонны были пронизаны фиолетовым светом. Фиолетовым, переходившим в розовый - золотисто-розовый. Я не знаю что это было. Я слышал как А(нна) Р(удольфовна) шептала - “Если долго смотреть в этот фиолетовый свет,

то увидишь все, все”. (...) И я помню, что я целовал фиолетовый сияющий камень и когда наклонялся, то видел тень своей головы золотисто зеленую, влажную, сияющую в лиловых лучах.

И потом я смотрел наверх: тут сияла фиолетовая роза среди мрака храма и фиолетовые лучи лились мне прямо в глаза, они одевали всю внутренность кружевного собора фиолетовой сияющей пылью, и я молился фиолетовому лучу (...) И потом видел, как А(нна) Р(удольфовна) стояла на коленях на каменных плитах и целовала то место, куда падал фиолетовый луч...” (16)

В следующем письме к Сабашниковой Волошин добавляет: “Что-то свершилось (...) Я никогда не испытывал такой радости, силы и уверенности... ночью... Не было земли - были только уступы, арки, пилястры, тонкие дуги, кружевные стрелки, которые, как музыка, плавным и властным порывом уносились в темное звездное небо. Они были все осыпаны, все сияли звездной пылью. Неподвижно расширяясь, подымаясь без движения. Точно у этих каменных глыб были птичьи крылья”. (3, 235)

В этом богатстве впечатлений, безусловно, виден источник вдохновения будущих строчек “Руанского собора”:

Вьются ввысь прозрачные ступени,
Дух горит... и дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.
А внизу, глубоко - в древнем храме
Вздых земли подымлет лития.
Я иду алмазными путями,
Жгут ступни соборов острия.

В письме к М. Сабашниковой от 26 июля 1905 года Волошин продолжает описание своих впечатлений: “... мы восходили на башню Руанского собора (...) Мы висели в воздухе - совсем над бездной. Бездна была со всех сторон ничем не закрытая и в ступенях были звездчатые пролеты и сквозь них под ногами на неизмеримой глубине внизу был виден готический городок. Это было во вторник 25 июля около полудня”. (3, 236)

Под ногой сияющие грозди -
Пыль миров и пламя белых звезд.
Вы, миры, - вы огненные гвозди,
Вечный дух распявшие на крест.

Интересно отметить, что стихотворный цикл “Руанский собор”, который Волошин посвятил Анне Рудольфовне Минцловой, состоит из семи главок: “Ночь”, “Лиловые лучи”, “Вечерние стекла”, “Стигматы”, “Смерть”, “Погребение” и “Воскресение”. Такое подразделение цикла на семь глав также неслучайно, а имеет под собой глубокий внутренний смысл.

Как известно, первая публикация стихотворного цикла “Руанский собор” в журнале “Перевал” (№ 8 - 9, 1907 г.) сопровождалась предисловием М. Волошина “Крестный путь”: “Семь ступеней крестного пути соответствуют семи ступеням христианского посвящения, символически воплощенного в архитектурных кристаллах готических соборов. Мистический крестный путь начинается омовением ног - прикосновением к полу храма. (...) Вторая ступень - бичевание. (...) Третья - алый свет - ощущением текучей крови - терновый венец. Четвертая - стигматы - знаки пригвождения на руках. Пятая ступень - это смерть на кресте (...) Смерть - это экстаз, момент высшего восторга жизни. Шестая ступень - погребение, причащение земле. Плоть, себя сознавшая, глаголящая и видящая, возвращается к темной и страдающей праматери. Седьмая ступень-воскресение из мертвых”. (2, 410)

Но оказывается, что идеи, излагаемые Волошиным в “Крестном пути”, являются опять-таки отзвуком бесед с Минцловой, а иногда и прямым заимствованием.

В журнале “Новое литературное обозрение” (№ 1, 1998 г.) в статье Н. А. Богомолова “Anna-Rudolf” приведен интересный для нашего исследования документ: письмо-“лекция” А. Р. Минцловой к Вяч. Иванову от 20 января 1907 года. В нем Минцлова пространно рассуждает о трех путях современного мистического совершенствования: классической йоге Востока, эзотерическом христианстве, и т. н. пути розенкрейцерства, считающем себя преемником древней оккультно-гностической мудрости Запада. Нас здесь интересует мнение Минцловой о втором “пути”, а именно, пути эзотерического христианства, где “просветление” и познание истины, делающее человека свободным и совершенным существом понимается как путь мистической любви к Богу, через Смерть и Воскресение, следуя пути Христа. Минцлова пишет: “В христианском посвящении есть 7 стадий, которые должны быть пройдены учеником. Евангелие от Иоанна и Апокалипсис - руководящие нити для него. Каждая стадия сопровождается яркими, чувственными ощущениями - и сновидениями.

1. Омывание Ног. Великое смирение царит везде в природе, благодарение от высших к низшим (так!). Растение благодарит камень, оно склоняется к нему. Животное наклоняется к растению, человек с лаской к животному. Тот, кто выше всех, склоняется перед теми, кто ниже его, и омывает ноги им. Величайшее смирение необходимо для ученика. Высший симптом: шум журчащей воды у ног ученика, всегда, везде, шепот и плеск воды, бьющей о ноги его и тихо говорящей ему слова, слышимые ему одному. Сны его в это время все имеют отношение к омыванию ног.

2. Бичевание. Переносить все страдания физические, все муки и боль, находить наслаждение в них. Внешний симптом: по всему телу ощущение мучительной, яркой боли, как бы от укусов, от покалывания иглами по телу. Сны.

3. Возложение тернового венца. Все духовные муки и страдания физические, боли души, оскорбления и унижения нравственные, предательство со стороны тех, кто ближе всех - через это должен пройти ученик. Так надо... Внешний, сопровождающий признак: давящая, мучительная головная боль. И сны, страшные, чудовищные сны.

4. Распятие. Надо стать равнодушным к телу своему, относиться к нему, как к совершенно постороннему чему-то,

как к древу Креста, который мы берем на плечи и несем... В это мгновение достигается власть над кровообращением (так!) тела... Знак внешний: стигматы на теле, страстные раны. И сны.

5. Мистическая смерть. Завеса храма (тела человеческого) разодрана, тьма спускается на него. Он умирает для земных ощущений. Перед ним проходит все черное и страшное, что существует в мире. Он нисходит во Ад - и поднимается в Рай, говоря языком христианства.

6. Положение во гроб. Теперь тело его есть земля, весь мир есть тело ученику. Он соединяется, сливается с землей, он вступает в брак с ней. Он уже не человек, он планетный дух.

7. Воскресение. Встреча с Христом, лицом к лицу. Об этом говорить нельзя... В христианском Посвящении знания нет, оно не нужно здесь совсем". (10, 154 - 155)

У Волошина мы видим тот же идейный лейтмотив: через Смерть и Воскресение ведет его мистическая любовь, ведь его земная любовь была так горька...

Не придя к конечному приделу
И земной любви не утоля,
Твоему страдающему телу
Причащаюсь, темная земля.

В ярких и вместе с тем строгих образах поэт переживает свою мистическую Смерть и Погребение, ведь для того, чтобы Воскреснуть, "расцвести", семя должно "истлеть", умереть.

Здесь соборов каменные корни.
Прахом в прах таинственно сойти,
Здесь истлеть, как семя в темном дерне,
И цветком собора расцвести!

Но Смерть и Погребение это только этапы, ступени в мистическом восхождении души поэта, за которыми следует Воскресение, к которому ведет Волошина светлый пафос надежды.

Сердце острой радостью ужалено.
Запах трав и колокольный гул.
Чьей рукой плита моя отвалена?
Кто запор гробницы отомкнул?

Таким образом, идейное влияние А. Р. Минцловой на мировосприятие Максимилиана Волошина, нашедшее отражение, в частности, в поэтическом цикле "Руанский собор", нам представляется очевидным и очень значительным.

Поэтому вполне можно согласиться с мнением Н. А. Богомолова о том, что: "влияние это (...) проявлялось в самых разнообразных ситуациях, отражалось на страницах не только статей, но и в стихотворных строках, которые до сих пор нередко представляются блестящим поэтическим озарением, тогда, как на деле являют собой отголоски бесед с Минцловой, ее гипнотизирующих слов". (10, 154)

А. Р. Минцлову без преувеличения можно назвать "мистической музой" Максимилиана Волошина, особенно в период с 1905 по 1910 г., времени наиболее интенсивного их общения, что и нашло свое поэтическое отражение в стихотворном цикле М. Волошина "Звезда Полюнь".

Литература

1. Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. - М., 1991.
2. Волошин М. Стихотворения. - М., 1989.
3. Волошин М. Коктебельские берега. - С., 1990.
4. Волошин М. Лики творчества. - Л., 1988.
5. Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея. - М., 1993.
6. Блаватская Е. П. Голос Безмолвия. - К., 1991.
7. Блюм А. В. Мертвые души и живые книги // С. Р. Минцлов. За мертвыми душами. - М., 1991.
8. Белый Андрей. Между двух революций. - М., 1990.
9. Белый Андрей. Проблемы творчества. - М., 1988.
10. Богомолов Н. А. "Anna-Rudolf". // Новое литературное обозрение. №1, 1998.
11. Кобзев Н. А. Особенности символики цикла М. Волошина "Звезда Полюнь". //8 Волошинские чтения. Материалы и исследования. - С., 1997. стр. 9 - 11.
12. Спиридонова Л. А. Феномен Волошина. // 9 Волошинские чтения. Материалы и исследования. - С., 1997. стр. 98.
13. Штейнер Р. Очерк Тайноведения. - Е., 1992.
14. Штейнер Р. Как достигнуть познания высших миров? - Е., 1992.
15. ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 74.
16. ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 108.

Примечание: тексты писем М. Волошина и А. Минцловой и М. Сабашниковой печатаются по автографам Пушкинского Дома (ИРЛИ). В публикации сохранена орфография и пунктуация.